

ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВСОЧЕТАНИЯ «АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ»

Исследование выполнено в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1; проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

Раскрываются смысловые истоки термина «античная философия» в контексте истории философии и культуры, даётся характеристика его составных частей. Выделяются типы умозрительной активности. Рассматриваются такая особенность философствующего, как его несамодостаточность, и следствия, связанные с этим его положением, важные для определения статуса и самого философа, и философии.

Ключевые слова: античная философия; философ; софист; эрос; логос; ратцио; ироничность; трагичность.

Этимология – корнесловие, смысловые истоки понятия. В данном случае речь идет об историко-философском и историко-культурном раскрытии термина, представленного словосочетанием «античная философия».

Античная (лат. *antiquus* – древний) – имеющая отношение только к миру греко-римских древностей.

Во времена поздней Античности христиане именовали себя *Moderni*, а язычников, эллинов, называли *Antigui*.

С эпохи Возрождения греко-римское культурное наследие стало считаться классическим, т.е. образцовым.

В XVIII в. термин «античная» был введен в научный обиход во Франции и первоначально относился ко всем произведениям искусства древности. Постепенно произошло сужение значения этого термина, он стал означать только греко-римские древности.

Античная означает древняя, греко-римская, классическая.

Греко-римский мир имел огромное влияние на культуру и философию Европы и всего мира, при этом в романских странах доминировали римские традиции, в Германии (с конца Средневековья) – греческие, Восточная Европа, Русь, Закавказье, некоторые области Ближнего Востока тяготели к византийскому наследию (Византия IV–XV в. н. э.), к своеобразному соединению античного, христианского и ближневосточного начал.

Философия (гр. *филия* – любовь и *софия* – мудрость) – любовь к мудрости, любомудрие.

Термин «философия» возводят или к Пифагору (580–500) с острова Самос, подчеркнувшему скромность своих притязаний и именовавшему себя не мудрецом, а всего лишь любителем мудрости, или к Гераклиту (540–480) из Эфеса, пренебрежительно назвавшему Пифагора философом в противоположность себе – последнему одинокому мудрецу, или к Геродоту (484–425) родом из Галикарнаса (Малая Азия), но жившему в Афинах – отцу истории, до которого интеллектуальная активность древних эллинов обозначалась словом «*historia*», по первоначальному смыслу – «исследование».

Осознание философа (любящего мудрость) как особой фигуры в обществе, а философии – как особого образа жизни и дискурса (т.е. размышления посредством устной или письменной речи), определяемых идеей подлинной, абсолютной мудрости, относится к *Платону Афинскому* (428/7–347). Именно он раскрыл содержание и смысл понятий «философ» и «философия».

В диалоге Платона «Пир» *Эрос* в мифологической, а *Сократ Афинский* (469–399) в исторической форме воплощают образ философа [1. С. 59]. После этого устоявшийся смысл понятий «философ» и «философия» переносится на предшествующие времена. *Аристотель* (384–322) из Стагиры уже среди первых мудрецов выделяет философов *Фалеса* (624–548) из Милета как натурфилософа и его современника *Ферекида* (600/597–532/529) с острова Самос как богословствующего философа [2. С. 125].

Позднее Цицерон (106–43), Диоген Лаэртский (II–III в. н.э.), Ямвлих (III–IV в. н. э.) стали проецировать платоновские понятия «философия» и «философ» на времена (с VI в. до н. э.) и фигуры таких мыслителей, как Пифагор, Гераклит, или связывать появление этих понятий с Геродотом.

Характеристики составных частей слова «философия»

Филия (*philia*) – любовь.

Для обозначения любви в греческом языке существуют разные понятия, в то же время одно понятие может иметь ряд смысловых оттенков.

Агапе (*agapē*) – любовь – жалость, жертвенность, братская любовь [3. С. 618].

Сторге – привязанность, привычка.

Харис – бескорыстный дар. Эта тема развивалась Филоном Александрийским (I в. н. э.), он осуществил первую попытку слияния греческой и иудейской мысли.

Эрос. Разработка и систематизация разнообразных характеристик любви дана Платоном в диалогах «Пир», «Федр» и др.

Среди ряда значений для философа важно понимание Эроса как воодушевляющего недостатка в его ностальгии и устремлённости к сверхчувственному, Божественному, абсолютному.

Платон в этом же ключе рассматривает: *энтузиазм* – одержание Божеством; *нафос* – состояние страсти, обуревающей истинно философскую душу; *экстаз* – временное священное безумие, выходение души из тела, состояние, в котором душа устремляется к Божественному, непосредственно (мистически) общается с Божеством [4. С. 360–387]. Эта экстатическая, мистическая природа познания получает дальнейшую разработку у неоплатоников.

Филия – многозначное понятие, в интересующем нас смысле близкое к вышеназванному толкованию

Эроса. Этимологически «филия», термин более спокойного свойства, выражает дружбу, дружественность, влюбчивость, расположенность, склонность, интерес. В понятии «филия» фиксируется господствующая интенция, т.е. направленность, стремление, целевая и целеполагающая значимость занятий, проникнутых высочайшей любовью к подлинной мудрости.

София (Sophia) – мудрость. Понятие, богатое в смысловом отношении, употреблялось в разных контекстах; выделим три:

- многоопытность мудрецов (VII–VI в. до н. э.);
- практическая мудрость софистов (V–IV в. до н. э.);
- подлинная, Божественная, абсолютная мудрость.

1. *Многоопытность мудрецов* (Sophos – мудрец). В VII–VI в. до н. э. ряд выдающиеся мыслители и государственные деятели почитались у эллинов как мудрецы, санкция семи мудрецов выступает ясной и незабвенной линией эллинского естества; у других народов – святые, у греков – мудрецы, заметил Фридрих Ницше в XIX в.

В перечнях семи мудрецов по разным спискам числится около двадцати имён. Среди мудрецов – Солон, Биант, Питтак и др., реже – Фалес Милетский и Ферекид Сиросский. Двух последних почитают как мудрецов и одновременно причисляют к философам, их время – время становления философии.

В представлениях о семи мудрецах отразилось многообразие понимания Софии: владение словом в политике, праве, поэзии; знания научные и технические; умение обращаться с людьми. Максимы мудрецов высекались на камне и ставились в древнегреческих полисах (городах-государствах). В святилище Аполлона (Дельфы) на храме в форме афоризмов (гном) воспроизведены лучшие образцы эллинской мудрости: «Познай себя!» и «Ничего сверх меры!».

Мудрец многоопытен. Эта мудрость, хотя и практического свойства, связана с совершенствованием способности суждения. Так, у Фалеса и Ферекида как философов теоретический (умозрительный) интерес даже превышает практическую мудрость, для них важно уяснить последние основания, истину, абсолют. Они вполне обнаруживают умение выйти за пределы чувственно воспринимаемого, склонность к размышлению в поисках первооснов мироздания.

Предмет рефлексии (осмысления, размышлений) Фалеса – природа (гр. Φύσις – физис или фюзис, физика; римск. natura – натура, природа). С Фалеса начинается традиция натурфилософии (по Аристотелю – физиков, физиологов). Их сочинения часто назывались «О природе». Лукреций (Тит Лукреций Кар 96–55), представитель древнеримского атомизма, последователь Левкиппа, Демокрита, Эпикура, пишет в стихах сочинение «De rerum natura» («О природе вещей»).

Натурфилософы дают интерпретацию первооснов, первопричин, первосущности мироздания. Несмотря на то что в качестве таковых фигурируют вода, воздух, огонь, земля, некорректно говорить о материализме натурфилософов. Эти первосущности – теоретические (умозрительные) характеристики названных стихий. Конкретные данности (вода ручейка, реки) порождены первоначалом (первоводой), и оно присутствует в воде ручейка или реки. Например, для Фалеса «мир полон Богов». Взаимосвязь первосущностей и Божественного

столь велика, что Ксенофан и Анаксагор приходят к пантеизму. Лишь начиная с учения Платона о «второй навигации» (сверхчувственном зрении, зрении ума, или умозрении) бессмертная часть души может созерцать в Гиперурии (Занебесье) эйдосы (идеи, /идол, идеал/) и постигать сверхчувственную, идеальную реальность, недоступную зрению глаз. Фюзис (физика) раскрывает (в противовес идеальной) доступную ощущениям (зрению глаз), чувственно постигаемую, материальную реальность.

Предмет рефлексии Ферекида – кодифицированная мифология Гомера и Гесиода. Ферекид начинает традицию богословствующих философов (по Аристотелю), реконструкция которой сложна, о ней почти нет сведений. В переосмыслении мифологии содержится философская интерпретация первооснов, первопричин, первосущности мироздания, каковой у Ферекида выступает протобожественная сущность Зевса (Зас), со вечно хаосу и преобразующая его.

В более поздних учениях обнаруживаются стремления как к противопоставлению разных типов мировоззрений, так и к преодолению этих противопоставлений. Младшие натурфилософы – Эмпедокл (492–432) и Анаксагор (500–428) – соединяют идеи Фалеса и Ферекида [2. С. 124–125]. И если внимание старших (милетцев) преимущественно сосредоточено на первовеществе, а богословствующих философов – на первосилах, то младшие натурфилософы соединяют первовещество и первосилы.

2. *Практическая мудрость софистов* (Sophist, Sophistai). В V–IV вв. до н. э. появились платные учителя мудрости – софисты. Они скорее представители риторической (риторика – искусство красноречия), а не философской культуры. Фигуры софиста и философа при всех разногласиях были в те времена взаимодополняющими, а иногда и совпадающими в одном лице.

Софисты признавали относительную необходимость философских занятий, считали, что философствовать полезно, но в меру. Роль софиста состояла в передаче общей культуры и знаний, с помощью которых они и их ученики могли бы достичь личной выгоды в делах, успеха в политике. Софисты считали риторику (искусство красноречия) и эристику (искусство спора) средствами для достижения своих целей.

Попутно в философии софистами сделано немало позитивного. Это и развитие новых для того времени проблем, тех, что ныне входят в философию культуры и философскую антропологию, разработка важных для логики и философии языка тем: логических, риторических, эристических, грамматических.

Философы выступали искателями объективного (общезначимого и общеобязательного) знания, истины, абсолюта. Они рассматривали риторику как умение самозащиты, отмечали другие ее достоинства, но были далеки от высокой оценки риторики и эристики. Сократ, Платон, Аристотель и их последователи (именно они составляли философское противостояние софистам) сочли мудрость софистов неподлинной. Они осуждали свойственные софистам сенсуализм, гносеологический и этический релятивизм, основанный на них скептицизм относительно признания существования Богов и т.д.

Уже в самом именовании «софист» слышится снижение значения, свойственного слову «мудрец» (софос). Софист часто комичен, унижен, осмеян.

Самосознание софиста и философа различно, споры между ними известны, современники, даже просвещенные (например, комедиограф Аристофан), эту разницу позиций по многим причинам не хотят видеть, или не принимают в расчёт.

3. *Подлинная, божественная, абсолютная мудрость.*

Подлинная мудрость – достояние Бога. Идеальная мудрость исключает вариации – нельзя быть более или менее мудрым. София как подлинная мудрость выступает в качестве полноты и определённости истины, знания. Она приобретает значение идеала, трансцендентной нормы (т.е. нормы запредельной чувственно воспринимаемому). Это знание сверхчувственное, абсолютное, божественное.

Так, у Аристотеля Бог как абсолют недвижим, бездеятелен (движение свидетельствовало бы о неполноте, обнаруживало недостаток в чём-то, стремление к чему-то). У Аристотеля же Бог – не субъект, а объект любви. Любовь как субъективная устремлённость обнаружила бы отсутствие совершенства и самодостаточности.

Абсолютное – это безусловное, совершенное, ни в чём не нуждающееся, т.е. самодостаточное, имеющее основу в себе самом.

Противоположным по значению понятию «абсолютное» является понятие «относительное», т.е. условное.

Абсолютная мудрость не имеет градаций. Она есть всегда, всюду, в своей полноте, без изъятий, различий и степеней.

Немудрость же имеет свои градации, различения. Возможно деление людей, у которых отсутствует мудрость, на два вида (деление надвое, иначе – дихотомия):

– сознающие свою немудрость – это философы (уместно вспомнить Сократа с его высказыванием «Я знаю, что ничего не знаю»);

– не сознающие свою немудрость (незнание, невежество) – это невежды [1. С. 61].

Рассмотрев три смысловых контекста Софии и дихотомическое деление немудрости, выделим пять фигур и пять типов различного отношения к мудрости.

1. *Божество*, Бог. Божественная, т.е. *абсолютная мудрость*.

2. *Мудрец*. Практическая мудрость, служащая достижению общезначимой объективной, цели. Цель мудреца – благо полиса и благо всех граждан.

3. *Софист*. Практическая мудрость как техника дискурса, направленная на достижение субъективных целей, выгоды.

4. *Философ*. Умозрительно, теоретически ищущий, взыскующий абсолютной Божественной мудрости, основывающийся на стремлении к ней свой образ жизни.

5. *Невежда*. Полное отсутствие мудрости, точнее, безразличие к ней.

Мудрец, Софист, Философ, Невежда обнаруживают разные степени и модусы *теоретической* (умозрительной, интеллектуальной) и *практической* активности; нередко встречаются взаимопереплетения этих чистых типологических персонификаций.

Божество и Невежда (их умозрительная активность нулевая) лишены философского начала. Мудрецу, софисту, философу философское начало присуще в разной степени. Этим можно объяснить несамодостаточность тех, кому свойственно философствовать, их особый статус в интеллектуально-духовном мире.

Срединная позиция между Божеством и Невеждой превращает философствующего (мудреца, софиста, философа) в ироника и/или трагического героя.

Ироничность и трагичность существуют и как внутренняя самоопределённость, и как восприятие философа и философствующего другими людьми.

Активность философа античности проявляется как выбор взаимосвязанных между собой образа жизни и образа мысли. Осознание этой двоякости осложняет ситуацию [1. С. 84–88].

Именно «в чистоте своей срединности» философ более уязвим, и так легко иронизировать над ним и Аристофану в «Облаках» (возможно, он не пугал Сократа с софистами в своей философской беспечности, просто так было точнее), и Платону в его «Диалогах».

Ироник знает о своей немудрости (об отсутствии подлинной, полной мудрости). Он не находит себе места ни в кругу невежд, ни среди мудрецов, все знающих и все ведающих, каковых, по сути, среди смертных нет. Ирония чревата трагичностью. Философ неприкаян и бесприютен, как Эрос, как Сократ [1. С. 62].

Превратности судьбы философа или философствующего связаны с особой двойственностью его положения, которое вызывает ироничность окружающих, порой самоиронию (как у Сократа) или же трагичность, состоящую в невозможности и одновременно в neodолжимом желании и стремлении достичь недостижимого – абсолютной мудрости.

Превратности судьбы самой философии обнаруживаются в ином. Утрата присущей ей двоичности или многозначности мертвит ее. Чтобы прояснить положение о так называемых превратностях судьбы самой философии, резюмируем этимологические изыскания.

Для осмысления темы софии в философии особенно важными являются понятия, имеющие не одно значение «логос» и «рацио». Уже в пределах Античности в латинском «рацио» идёт угасание, выхолащивание и забвение некоторых смыслов греческого «логоса», хотя исходное латинское «рацио» является своеобразной калькой греческого «логоса».

Понятийная разработка абсолюта, сверхчувственного, рацио фокусируется в Логосе, терминологически закрепляется в Софии.

Разработка же другого ряда понятий, таких как энтузиазм, пафос, экстаз, фокусируется в Эросе, а терминологически закрепляется в филии.

Философия предстает как нераздельность, неразделенность и неразделимость Эроса и Логоса. Она жива своей двойственностью и/или многозначностью, включающей широкий диапазон смысловых сочетаний каждого из начал.

Кроме смыслокорневой двойственности (филия и софия), необходимо указать на двойственность между системно-понятийным рядом и разноликостью эмоционально-образной и/или мистической подосновы. Эта двойственность придает философии как явлению осо-

бую энергичность, определяет историческую подвижность значения самого слова философия.

Парадоксально, но факт. Когда мы имеем дело с философом/философствующим, раздвоенность и стремление к недостижимому обнаруживают ироничность и трагичность ситуации (появляются насмешки, сожаления по отношению к философу у окружающих, у него самого).

Когда же философия приобретает однозначно выраженную определённую (в любом варианте), то торжествующая философия, чреватая однобокостью, уподобляется в своей завершенности омертвелому образованию (в чем трагедия философии) и/или вызывает иронию, критику и опровержения. Таковы некоторые этимологические соображения, учитывающие корнесловие, указывающие на понятийную разработку, жизнь термина, высокие и низкие тона его звучания.

* * *

Охарактеризовав античную философию, отметим, какие мотивы и цели реализуются при ее изучении. Замечательным образом ответил на эти вопросы антиковед Теодор Гомперц (1832–1912).

Касаясь целей, которым служит занятие античной философией, он писал, что исторический интерес осно-

ван на трех могучих мотивах: во-первых, на наивной радости знания прошлого, «в особенности всего великого и прекрасного в нем» [5. С. 486]; во-вторых, на стремлении «воспользоваться учениями, почерпаемыми из этого знания» [Там же]; в-третьих, на чисто научной, как бы незаинтересованной потребности в знаниях исторических событий и законов развития.

И еще надо учесть, писал Т. Гомперц, что «почти вся наша духовная культура греческого происхождения. Игнорировать прошлое... просто невозможно. Незнание учений и сочинений великих мастеров древности, какого-нибудь Платона или Аристотеля, даже полное неведение их имён не избавляет от влияния их авторитета. И не только потому, что это влияние передается через посредство древних и современных преемников их; все наше мышление, категории, в которых оно движется, словесные формы, которыми оно пользуется... – все это в значительной мере есть результат и создание великих мыслителей прошлого» [Там же]. Изучение античной философии поможет не только реализовать свой практический интерес, извлечь уроки из прошлого, получить новые теоретические знания, но и избавит от всецельного, не всегда осознаваемого влияния этой философии и чрезмерной зависимости от нее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адо П.* Что такое античная философия? / пер. с фр. В.П. Гайдамака. М., 1999. 320 с.
2. *Семушкин А.В.* У истоков европейской рациональности (начало древнегреческой философии). М., 1996. 192 с.
3. *Платон:* Pro et contra. СПб. : РХГИ, 2001. 648 с.
4. *Вячеслав Иванов.* Фрагменты книги «Дионис и Продионисийство». Глава X. Пафос, кафарсис, трагедия // Эсхил. «Трагедии» в переводе Вячеслава Иванова / отв. ред. Н.И. Балашов. М. : Наука, 1989. 590 с.
5. *Гомперц Т.* Греческие мыслители / пер. с нем. Д. Жуковского и Е. Герцык; науч. ред. нового издания, комментарии, примечания и предисловие А.В. Цыба. СПб. : Алетейя, 1999. 606 с. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 июля 2011 г.